

Истории женщин,
которые не собирались влюбляться

Мира Ле

Миллионер
без связи

Он застрял без любви

Мира Ле

Миллионер без связи

«Автор»

2026

Ле М.

Миллионер без связи / М. Ле — «Автор», 2026

Когда жизнь окончательно пошла под откос, Вера получила неожиданное наследство — старый дом в забытой богом деревне Пеньки. Денег почти не осталось, карьера трещит по швам, а единственный «бонус» к дому — Геннадий, которого нельзя ни продать, ни прогнать. Но в первый же вечер судьба подбрасывает ей ещё один сюрприз. Посреди поля она встречает мужчину. Теперь им предстоит делить один старый дом и одну печку.

© Ле М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужчина на пеньке	5
Глава 2. Тёмный лес	8
Глава 3. Отседова	10
Глава 4. Геннадий	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Миллионер без связи

Глава 1. Мужчина на пеньке

Автобус везёт меня в новую жизнь.

Я сижу в самом хвосте, зажата между окном и собственным рюкзаком. Окно не открывается, и в хвосте стоит густой коктейль из нагретого дермантина, запаха куриного супа и пота. На коленях тяжеленный рюкзак с ноутбуком, свитерами, зарядками от всего на свете и банкой кофе, которую я зачем-то взяла. Чемодан стоит в проходе, держу его за ручку, чтобы не уехал на повороте. Зад автобуса подскакивает на каждой кочке, старательно перетряхивая пассажиров в надежде перемешать всех как следует. Хорошо, что я не завтракала.

Мысли привычно уходят в сторону насущного.

Так. Что у меня осталось?

Тысяча двести на карте. Восемьсот наличкой. Кредитка использована под ноль, и в следующем месяце прилетят конские проценты. Микрозайм, где мелкая сумма лавинообразно превращается в большую проблему. Аренда ну, аренду я больше не плачу: съехала, потому что платить было нечем, потому что — так, ладно, не будем.

Горло сжимает спазмом, на глаза наворачиваются слёзы. Салфеток нет — вытираю рукавом, размазывая по лицу пыль и сопли. Мдя. Красотка, блин.

Стоп. Будем думать о хорошем. О доме. У меня теперь есть дом!

Слово «ДОМ» во рту всё ещё чужое. Двоюродная бабка, которую я и видела-то в жизни раза три, взяла и оставила мне домик в деревне Пеньки. Мне. Я до сих пор жду звонка нотариуса: ой, перепутали, дом — вашей троюродной сестре, а вам полагаются долги по электричеству.

И Геннадий.

Так в завещании и было указано: мол, вот тебе, внученька, дом — но только если не выгонишь Геннадия. Что за Геннадий? А мне так никто и не сказал. По словам нотариуса — то ли пёс, то ли кот, на месте разберёмся.

Мысли плавно уходят в светлое будущее. Вот я приезжаю, вот захожу в красивый, светлый дом. А там — пушистый белый котик, и мы с ним

Автобус подскакивает на яме, желудок делает кульбит, и чемодан выскакивает из ослабшей руки.

Хрусть.

Тихий такой хрусть. Наверняка же ничего серьёзного? Колёсико — переднее левое, которое держалось на честном слове и одном шурупе ещё с прошлого переезда, — плавно выкатывается из-под чемодана и катится от меня прочь. Свободное. Счастливое. Сволочь.

— Нет, — выдыхаю я вслед колёсику. — Ты куда? Стой, предатель!

Колёсико закатывается под чужое сиденье.

НЕТ. Так. Спокойно, вдох-выдох. Лезу под сиденье, цепляю плечом рюкзак, рюкзак сползает, я хватаю рюкзак, упускаю ручку чемодана, чемодан валится мне на ногу. Ногу обжигает. Шиплю сквозь зубы что-то, за что в приличном автобусе высаживают.

Женщина впереди оборачивается. Я улыбаюсь ей своей самой беззаботной улыбкой — у меня всё под контролем. Губы сводит, женщина бледнеет и резко отворачивается.

Найденное колёсико засовываю в карман — к скотчу, мятным таблеткам и треснутому телефону. Уверена, его ещё можно починить. Или выкинуть. Чемодан теперь хромает на три колеса, и тащить его придётся мне на горбу. Прелестно!

Живот сводит узлом, голову сдавливает очередной спазм. Хочется всё бросить, сесть и зареветь.

— Поворот на Пеньки! — кричит водитель, не оборачиваясь. — Кому Пеньки?
Мне Пеньки.

Ни остановки, ни скамейки. Меня высаживают на обочину — вместе с рюкзаком и трёхколёсным инвалидом. Автобус фыркает соляркой и уезжает, и вместе с ним уезжает последний звук цивилизации. Тишина наваливается такая плотная, что в ушах звенит, — и в этой тишине где-то строчит одинокий кузнечик, как сломанная швейная машинка. Пахнет пылью, нагретой травой и соляркой, оставленной на память. Поле. Лес вдалеке. Столб с погнутой табличкой «Пеньки 2 км». И тропинка. Реветь резко расхотелось.

Два километра. С чемоданом на горбу. По колено в траве.

— Ладно, — говорю я полю. — Бывало хуже.

* * *

К концу первого километра я уже не человек, а выючное животное. Лямки рюкзака пропилили в плечах две горячие борозды. Чемодан перехвачен под мышку и теперь бьёт меня по бедру в такт шагам, отбивая морзянку из синяков. Трава хлещет по щиколоткам; комары обступили и, не стесняясь, догрызают. Во рту сухо и пыльно, отдаёт металлом. Солнце валится за лес, красное и довольное собой, и я думаю одну простую, жалкую мысль: хоть бы кто. Хоть бы живая душа. Хоть бы человек с машиной, с тачкой, с лошастью, мне уже всё равно.

Тропинка виляет и резко выводит на поляну.

Посреди поля, ровно по центру, торчит высокий старый пенёк. А на пне стоит мужчина. Стоит во весь рост, идеально прямой, одна рука вытянута к небу — пальцы растопырены, лицо запрокинуто к закату. Заходящее солнце бьёт ему в спину и обводит фигуру золотым, воздух над травой ещё дрожит от дневного тепла и пахнет пылью, — и я несколько секунд просто смотрю, забыв про плечи, про комаров, про чемодан.

Красивый.

Здесь придётся сделать признание: я профессионал. Восемь лет я зарабатываю тем, что описываю вот таких мужчин, — оптом, под чужим именем, по роману в полтора месяца. Так что говорю со знанием дела: передо мной та самая несправедливая красота, от которой женщины в моих романах роняют поднос с шампанским, прыгают в реки и складываются штабелями. Скулы. Плечи. Идеально сидящий тёмный пиджак. И эта поза — рука к небесам, профиль в закат, — будто его сюда поставил скульптор и забыл забрать.

И меня уносит.

Профессионально уносит, со свистом. «Изабелла Сан-Ремо», та, что во мне строчит про миллиардеров и Везувий, уже разворачивает сцену: загадочный незнакомец на закате, рана в прошлом, ладонь, протянутая к чему-то невидимому. Глава восьмая. Он обернётся, и наши взгляды

— Аллю! — кричит мужчина в небо. — Аллю, ты меня слышишь? АЛЛЮ!

В вытянутой руке у него телефон.

Изабелла Сан-Ремо роняет поднос с шампанским уже не от любви.

Мужик, который встал на пенёк посреди поля, чтобы поймать одну палку сети, и орёт в трубку на бога связи. Варианты, кто это: блогер, сектант, сбежавший жених. Я ставлю на сбежавшего жениха — пиджак подходящий.

Но у сбежавшего жениха, возможно, есть машина. А у меня — три колеса и два километра.

— Эй! — кричу я и машу рукой. — Извините! Здравствуйте!

Мужчина опускает телефон и холодно смотрит на меня сверху, с высоты своего пня.

— Связь, — роняет он. — Где здесь связь?

— Нет здесь связи, — говорю я и подхожу ближе, волоча чемодан по траве. — В этом, собственно, вся фишка местности. Слушайте, а вы на машине? Мне бы

— Машина сломалась. Мне нужно на остановку. Где автобус.

— Так автобус только что ушёл.

Пауза. Мужчина сходит с пенька — одним движением, не глядя под ноги, — и сразу же одной туфлёй уходит в грязь по щиколотку. Жижка смыкается вокруг ботинка с густым, довольным чавканьем и выпускает наверх запах прелой травы и чего-то коровьего. Нога медленно тянется обратно. Лицо остаётся каменным, только на скуле коротко дёргается мускул.

— Когда следующий?

— Утром, — говорю я. — Если повезёт. Тут два рейса в день, и второй вы профукали.

— Это неприемлемо. — Туфля отряхивается, безуспешно. — Мне нужно в город сегодня.

— А мне нужно, чтобы у чемодана было четвёртое колесо, но мы оба, видимо, тут застряли. — Я перехватываю рюкзак повыше. — Слушайте. Вам всё равно до утра деваться некуда. У меня дом тут недалеко, два километра. Помогите дотащить вещи — и переночуете под крышей, а не в поле с комарами.

— Мне не нужна крыша. Мне нужно в город.

— В город вы попадёте утром, на том же автобусе, что и я. От остановки до дома — мимо, по дороге. — Я почти не вру: остановка действительно в той стороне. Где-то. — Я бы и сама всё дотащила, но у меня, как видите, логистический коллапс.

Он окидывает взглядом мой чемодан. Рюкзак. Меня — маленькую, потную, в траве по колено. И я вижу, как у него в голове что-то считается.

— Я заплачу, — говорит он наконец. — Тому, у кого есть машина. Назовите, кто здесь возит.

— Тут никто не возит. Вы вообще откуда такой?

Мужик не отвечает, поднимает телефон над головой и держит, глядя на экран. Я вижу по лицу, как до него медленно доходит простая истина этого места: ни сети, ни машины, ни автобуса. Ноль связи в обоих смыслах.

Рука с телефоном опускается.

— Два километра, — повторяет он — не столько мне, сколько себе. Прикидывает варианты, и все ему не нравятся.

— Два, — подтверждаю я бодро. — Почти не в гору.

Секунду он смотрит на лес за поляной — тёмный, уже не золотой, проглотивший последнее солнце, — и я понимаю, что выбора у него ровно столько же, сколько у меня. То есть нисколько.

— Что нести, — говорит он и протягивает руку. Ладонью вверх. Профессионально замечаю длинные пальцы, гладкую кожу и ногти с маникюром. Красивая рука, по всему видно, в жизни не держала ничего тяжелее авторучки.

Я отдаю ему чемодан без колеса.

— Добро пожаловать в Пеньки, — говорю я. — Осторожно, он кусается.

И мы идём к лесу, два чужих человека по темнеющей тропе, и я очень надеюсь, что хоть один из нас знает дорогу.

Спойлер: не знает. Я вообще в этих краях первый раз.

Глава 2. Тёмный лес

Лес проглатывает нас целиком.

Только что была рыжая полоса над тропой — последняя зацепка для глаз. Теперь её нет. Деревья сходятся над головой в чёрный потолок, тропа читается на ощупь, и где-то справа, в кустах, что-то коротко хрустит и затихает. Я делаю вид, что не услышала. Воздух сырой и холодный, тянет из низин тиной и прелым листом, мокрая земля чавкает под кроссовком на каждом шаге. Плечи каменные, ноги стали чужими.

Мужик молча идёт впереди. Несёт мой горемычный чемодан. Вот несправедливость: я его тащила километр и чуть не родила, а он несёт эту бандуру на отлёте, одной рукой, как пакет хлеба.

Так. Самое время подумать. Я иду в темноте по лесу за незнакомым мужчиной и знаю про него ровно одно: стоял посреди поля на пне и орал в небо. Не то резюме, с которым берут в провозатые к приличной девушке. Руки сами лезут в карманы перебирать мелочь. Помогает немного.

Считаем, что есть. Романы перестали продаваться весной: «Изабелла Сан-Ремо» больше не в тренде. Старый ноут сдох в марте, забрав полтора недописанных романа и всю папку «наработки», — резервную копию я, гений, держала на том же диске. Новый комп — в кредит, под проценты, от которых хочется выйти в окно. Зато вот, пожалуйста: тёмный лес и красивый незнакомец, который, если сейчас свернёт с тропы, поставит логичную точку. Колёсико, ноутбук, кредит, маньяк. Изабелла Сан-Ремо подбирает мне последнюю главу.

Замечталась — и чуть не влетаю лицом в низкую ветку. Чёрная на чёрном, поперёк тропы, я вижу её в последний момент. Но влететь не успеваю: его рука уже там — отводит ветку, держит. Прохожу под ней. Ветка возвращается за спиной с тихим шорохом.

— Спасибо, — говорю я в темноту. Он не отвечает, идём дальше.

Какой заботливый маньяк мне попался. Или всё же не маньяк? Маньяки, вообще-то, ветки не придерживают — у них другие приоритеты. Записываю в копилку «возможно, не маньяк», там пока одиноко.

И, пока копилка пополняется, я его, чего уж, разглядываю. Сугубо профессионально. Ноги — от ушей; шаг такой широкий, что я под него едва поспеваю, семена сзади, как заводная игрушка на исходе завода. Чемодан, который меня чуть не убил, он несёт небрежно, одной рукой, — а значит, под пиджаком что-то есть, и это что-то определённо хочется пощупать. Исключительно в исследовательских целях, для достоверности боевых сцен. Пиджак, кстати, сидит так, будто его шили прямо на этом развороте плеч. Профиль в темноте едва читается: прямой нос, тяжёлая челюсть, тёмная щетина, проступившая к ночи и сделавшая каменное лицо чуть человечнее. Он на голову выше меня — чтобы поймать взгляд, пришлось бы задирать голову, чего я, разумеется, делать не стану.

Признаюсь честно: я слегка повёрнута на красивых мужчинах. Профессиональная деформация — восемь лет описывать чужие скульптуры бесследно не проходят. Сама-то я не красotka, скорее «миловидная при удачном освещении», но насмотренность будь здоров. И насмотренный глаз докладывает: экземпляр редкий, в дикой природе почти не встречается.

Изабелла Сан-Ремо во мне немедленно строчит новую сцену: «он шёл сквозь ночной лес, и тьма расступалась перед ним, как» — стоп. Тьма ни перед кем не расступается, я в неё спотыкаюсь. Он мне вещи несёт, а не судьбу. Соберись.

Тропа ныряет вниз, корень вылезает поперёк именно туда, куда я ставлю ногу. Нога едет, меня валит бок — и тут он перехватывает меня за локоть. Крепко, коротко: поставил ровно и отпустил. На локте остаётся приятное тепло от ладони.

Вера, твою мать. Ты в тёмном лесу с незнакомым мужиком, тащишься неизвестно куда, ещё не факт, что дойдёшь, — а думаешь про тепло ладони. Двигай булками.

— Здесь всегда так темно? — Голос ровный, аж противно. Низкий, спокойный, он словно кладёт ладонь мне между лопаток: не бойся, я рядом. И тело, что особенно обидно, верит — плечи сами опускаются. И шаг он, оказывается, подстроил под мой — замечаю только сейчас. Я тут потом обливаюсь и под рюкзаком напоминаю себе черепаху, перевёрнутую на спину, а ему хоть бы что.

— Только по ночам, — говорю я. — Днём тут даже мило.

Лес шумит над нами длинным усталым вздохом, и я очень стараюсь думать про кредит, а не про локоть.

Глава 3. Отседова

Деревья расступаются разом, и под ноги ложится дорога — точнее, то, что от неё осталось. Пеньки.

Я их представляла иначе: улица с геранью на окнах, тёплый свет за занавесками, бабушка с пирогами на лавочке. В реальности — темень и горбатый ряд изб вдоль обочины, кое-где жёлтое окно, остальные слепые. Под ногами хрустит. Опускаю глаза: бутылка, дальше ещё бутылка, смятая пачка, пакет, который ветер таскает туда-сюда. Пахнет остывшей золой, мокрой пылью и откуда-то — навозом. Ни фонаря. Кто-то выключил деревню рубильником и забыл включить.

— И это всё? — Он останавливается.

— Это центр, вообще-то. — Сама себе не верю.

Где-то впереди на дороге кто-то есть. Сначала я его слышу — тягучий звук без слов, не то песня, не то стон, — а потом вижу: тёмная фигура движется к нам короткими падающими шагами: каждый шаг начинается как падение вперёд, и нога подставляется только в последний момент. Останавливается, качнувшись, ловит равновесие в пустоте, снова трогается. Дорога под ним ходит ходуном.

Вот оно. Зомби-апокалипсис подкрался незаметно и начался, конечно, с деревни Пеньки. Так и представила: завтра города оцепят, по телевизору пустят бегущую строку про первых заражённых, а в углу экрана — фото маленького лохматого зомби в кедах, с рюкзаком на спине. «Жертва номер один любезно явилась к источнику сама», — вздохнёт диктор.

— Стойте, — шепчу я. — Может, обойдём?

Мой мужик не останавливается, идёт прямо к фигуре — видимо, спросить про машину и как добраться до города. Плетусь следом. Одной в темноте ещё страшнее.

Фигура оказывается мужиком — немолодым, в распахнутой телогрейке, с оплывшим лицом. Он подходит ближе и ещё ближе, и от него накатывает стена перегара, кислотыны и чего-то жжёного — у меня сразу начинают слезиться глаза.

— О-о-о, — тянет он и ведёт пальцем по воздуху, целясь в меня. — Дёвушка.

— Здравствуйте. — Делаю полшага назад. — Мы тут дом ищем

— Дёвушка. — Палец качается. — Кака-ая кака-ая красивая. И одна. Одна, слышь. — Он шаркает ближе, телогрейка распахивается шире. — Одна ить, а? Чё ж одна-то.

— Не одна.

Он не слышит. Тянется рукой, шатается на этой руке, ловит равновесие об воздух. Ик. Палец опять находит меня.

— Така красивая. Иди сюды, чё ты. Я ж по-хорошему. Иди

И тут между мной и его пальцем встаёт спина в тёмном пиджаке.

Мужик утыкается в пиджак взглядом и не сразу понимает, что произошло.

— Иди домой. — Тихо, не повышая голоса. Лица его я не вижу.

— А ты ты кто? — Мужик заглядывает сбоку. — Дёвушка, он тебе кто?

Он не отвечает мужику. Поворачивается ко мне — всем корпусом, разом; пьяный для него только что перестал существовать.

— Какой адрес.

— Я — В голове пусто. — Не помню точно. С краю где-то. Бабкин дом, она недавно

— С краю — чьего края?

Похоже, мой мужик разозлился. Стал говорить медленно и как-то угрожающе. У меня сразу свело живот и пересохло во рту, ноги сами сделали шаг назад. Хотя злится он, кажется, не на меня — на всё сразу: на лес, на деревню, на Митьку, на то, что ни сети, ни машины, ни автобуса и ночь идёт не так, как он рассчитывал. На скуле опять дёргается тот же мускул, что в грязи на поляне.

— Не зна-аю, — стонет мужик нам обоим и оседает на корточки прямо посреди дороги, теряя к нам интерес так же внезапно, как нашёл. — Никто не знает

Философски, ничего не скажешь.

* * *

Дверь ближайшей избы с жёлтым окном скрипнула, и на крыльцо вышла маленькая круглая старушка в платке и накинутой телогрейке, с фонариком.

— Кто там по ночи орёт? — Луч мечется по дороге, находит мужика на корточках, потом нас. — Митька, ты, што ль, опять? А ну спать иди, ирод! А вы кто такие? Откуль?

— Здравствуйте, — выдыхаю я, и на этом «здравствуйте» из меня уходит половина страха. Живая бабка. Нормальная, тёплая, человеческая. — Я тут дом получила. От бабушки. Птахина я.

— Птахина? — Старушка спускается с крыльца, мелко и шустро, фонарик в одной руке, другой уже хватает меня за рукав. — Это Нюрки Птахиной, што ль, внучка? Аль не внучка? А сама-то откуль приехала? А к кому? А чё ж так поздно-то, ночью, по лесу, одна?

— Не одна, — говорю я во второй раз за вечер и почему-то киваю на спину в пиджаке.

Бабка переводит фонарик на него. Луч ползёт снизу вверх — грязные дорогие туфли, тёмный пиджак, каменное красивое лицо.

— А это хто ж с тобой? — Бабка сощуривается. — Муж, што ль? Аль жених? Не похож ты, милоч, на здешнего. Как звать-то вас, голубков?

— Вера, — говорю я быстро, пока она не достроила «голубков» во что-то посерьёзнее. — Вера Птахина.

Бабка смотрит на него и ждёт. Фонарик не мигает.

Он молчит так долго, что мне даже неловко становится.

— Лев.

Лев. Ну конечно. Не Дима, не Серёжа — Лев. Под такой типаж другое имя и не выдают.

— А по бабушке? — не отстаёт бабка.

— Лев, — повторяет он тем же тоном, каким сказал мужику «иди домой». И бабка, что характерно, тоже не настаивает.

— Ну Лёва так Лёва, — соглашается она и тянет меня за рукав. — Зоя я, тётя Зоя, сельпо тут держу. Нюркин дом-от знаю, как свой. Идёмте, чё стоять-то, тут близёхонько, через два двора. Только не пугайтесь сразу, милая, дом-от давно пустой, Нюрка болела долго

Она тащит меня в темноту, не выпуская рукава, и трещит без передышки — про лютую зиму, про Митьку, который пьёт «с самой Пасхи, прости господи». Я цепляюсь за этот голос, как за островок жизни. Идти за её фонариком тепло и не страшно. Лев идёт сзади с чемоданом.

— Вот, — останавливается тётя Зоя и поднимает фонарик. — Тута. Нюркин.

Глава 4. Геннадий

Я старалась не представлять дом заранее, чтобы потом не разочароваться, — и зря старалась, потому что он оказался не страшным. Просто старым. Маленький, осевший на один бок, тёмные брёвна, крыльцо в две ступени; наличники когда-то были резные, теперь облупились. Одно окно отвечает фонарику тусклым отблеском. Крыша на месте, забор стоит. От калитки тянет сыростью, нагретым за день деревом и чем-то травяным — запахом чужой прожитой жизни. «Новую жизнь» я представляла чуть менее покосившейся. Но жить можно. Отмыть, протопить — и вполне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.